

Рекурсивный характер социальной репрезентации (симуляции)

Любая репрезентация (как правдоподобная, так и ложная) изначально предполагает повторение, удвоение и противопоставление реальности и ее представления. Следовательно, нам следовало бы рассмотреть условия возможности этого повторения и удвоения. В этом случае мы могли бы говорить об общей теории повторяемости, объясняющей саму возможность удвоения вообще. Если мы понимаем необходимость этой теории, то можно сказать, что социальная реальность не представляется в подлинных или ложных копиях с ее предпосылкой «подлинной социальности». Репрезентация — это вовсе не представление какой-то реальности. Репрезентация не является аспектом или стороной реальности: она есть сама эта реальность, явленность или представленность этой реальности.

Если же мы говорим о социальности, обнажаемой как ее собственная репрезентация, не отсылающей ни к какой «подлинной реальности», но симулирующей саму себя, тогда она не восходит ни к какому образу, а вписывает в собственную структуру возможность бесконечной повторяемости, удвоения, репрезентации в отсутствие повторяемого, репрезентируемого. Поскольку во всех этих случаях изначально предполагается отсутствие самоотождествительной «подлинной реальности», социальность «каждый раз» составляет свою собственную «социацию». Более того, возможность повторения, удвоения замещает собой отсутствие этой «подлинной реальности». И именно поэтому каждый раз мы имеем другую «социацию».

Таким образом, мы могли бы представить два различных подхода к проблеме симуляции в зависимости от репрезентативной и нерепрезентативной модели. Классическая философия опирается на репрезентативную модель и определяет симулякр как копию

копии, отражение отражения, удвоение удвоения, которое так же, как и копия, претендует на обозначение подлинника, оригинала.

У Платона симулякр полностью зависим от онтологии, поскольку критерием различения копии от симулякра выступает сходство или несходство с истиной бытия или идеей вещи. Не-истина копии копии выявляется в сравнении с истиной присутствующего референта, т. е. идеей вещи, действительным повторением которой выступает первая копия. Симулякр — это копия копии, двойник двойника, лишенный подобия. Но уже в рамках платоновской репрезентативной модели действует не-платоновский симулякр — симулякр без референта. На самом деле, первая копия, или первое повторение, удваивает все еще присутствующий референт-оригинал, вторая копия-повторение, повторяющая оппозицию между оригиналом и копией, не выводится и не сводится ни к какому референту или присутствию. Повторяя оппозицию между оригиналом и копией, симуляция инициирует и в то же время смещает эту оппозицию в совершенно другую область. Удвоение, следовательно, не производно от присутствующего референта, оно не есть феномен в мире, оно является тем, внутри чего сущее и различные его образы, фантазмы или симулякры производятся. Поскольку симуляция оказывается имманентной реальности, то не представляется возможным говорить о каком-то присутствии, основании, оригинале.

Не-платоновский симулякр, или исходная повторяемость, избегает бинарной логики. Как дислоцированное и смещенное тождество, т. е. тождество, которое беспрерывно отсылает к другому (двойнику), симулякр не подчиняется логике оппозиции и противоречия. Отрицание в данном случае не покрывает игру симулякра: как раз наоборот, статус симулякра в том и состоит, чтобы удвоить игру отрицания и вписать его в собственную структуру как одну из множества своих возможностей.

Функция исходного повторения заключается в установлении одновременной возможности и невозможности реальности. Оно вписано в саму структуру реальности, предпосылка возможности оборачивается предпосылкой невозможности. Оно объясняет тот

факт, что выход в присутствие сущего возможен только благодаря его непосредственной повторяемости и удвоению. Сущее, чтобы выйти в присутствие, оказывается всегда уже начавшим представлять себя. Сущее начинается с повторения самого себя. Складка, внутреннее раздвоение крадет простое сущее в неодолимом движении повторения. Вписывание в собственную структуру «один раз» как возможность собственного повторения является непрерывным условием сущего. «Один раз» означает загадку того, что не имеет места, не имеет никакого смысла, никакой читаемости. «Один раз» означает, что присутствующее в истине, в присутствии своего тождества и в тождестве своего присутствия повторяется, удваивается, как только оно начинает представлять себя. По своей сути оно является как возможность наиболее своей не-истины, псевдо-истины, представленной в фантазмах или симулякрах. То, что есть, не есть то, что есть, тождественное и самождественное до тех пор, пока оно не вписывает в собственную структуру возможность повторения как такового¹. Исходная повторяемость, объясняя классическую оппозицию оригинала и двойника, демонстрирует, что оригинал выходит в присутствие только при условии его повторения и что, следовательно, повторение является объяснительной «причиной», а не производным от предшествующего тождества.

Итак, существуют две логики, два вида повторения, которые не противоречат друг другу, поскольку они в точности не воспроизводят друг друга и даже если повторяются, то отражают двойственность, внутренне присущую любому повторению. Согласно классической логике повторения, повторение повторяет самождественную сущность: повторение остается вторичным и производным от этой сущности. Согласно неклассической логике повторения, повторение повторяет повторение, оно выступает в качестве «исходного» и влечет за собой по причине своего безудержного распространения всеобщую повторяемость и деконструкцию любой тождественности и самождественности.

¹ *Derrida J.* Dissemination. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1981. P. 168.

Таким образом, согласно неклассической логике повторения, повторяется всегда не содержание, сущность или тождество, повторяется всегда смещение и замещение сущности. Повторение — это повторение не тождества, а различия, структуры дифференциальных отношений, в которой повторяется всегда различие. Повторение повторяет повторение, повторяя, различает, различая, разрешает.

С точки зрения этой повторяемости можно было бы переформулировать принцип репрезентации. Если репрезентация может быть понята в обобщенном смысле представления, ре-презентации как повторения, репродукции, скажем, оригинала, а также в смысле замещения, занятия места другого, тогда всеобщая повторяемость предписывает нам фундаментальный закон дополнения: «...Для-себя само-присутствия (für sich) — традиционно определяемое в своем дательном измерении как феноменологическая само-данность, неважно, рефлексивная или предрефлексивная, — появляется в роли дополнения как первичное замещение в форме “вместо” (für etwas)... Для-себя оказывается вместо-себя: помещенное за-себя, взамен себя. Здесь проявляется странная структура дополнения: с помощью отложенной реакции возможность создает то, к чему она, как говорится, прибавляется»². Исходная повторяемость — это не просто удвоение, а различительное удвоение, имеющее структуру складки, опространствливания. Благодаря этой складке удвоение дополнительно удваивается, причем таким образом, что его собственная «рефлексия» разделяется до бесконечности.

Структурная дизъюнкция различительного повторения не позволяет сущему отождествляться, поскольку в самый момент отношения к себе оно уже оказывается другим. Повторение предписывает логике складки, что и обуславливает бесконечное разделение сущего. Обнаруживается странная логика складки: обращение на себя означает обращение к другому. Полюса смещаются:

² Дerrида Ж. Голос и феномен. СПб. : Алетейя, 1999. С. 117.

внутреннее всегда есть внешнее, но одновременность данности стирает их как таковые.

Каким образом понимается складка? Поскольку возможность различительного повторения вписана в структуру сущего, последнее удваивается благодаря «рефлексии» в себя. Исходное разделение рефлексивности удваивает дуальное отношение между сущим и Другим (двойником), таким образом элиминируя возможность учреждения последнего основания. Отношение между ними оказывается производным от этой структуры складки, или удвоения. Именно благодаря этой структуре складки удвоение удваивается, так что собственная рефлексия в себя удваивается до бесконечности. Складка становится не пограничной линией между внутренним и внешним, а именно тем, что подрывает уместность оппозиции внутреннее/внешнее.

Однако повторение ничего не меняет в повторяющемся объекте, но оно что-то меняет в созерцающем его сознании. Повторение не довольствуется умножением образов, исходя из одного и того же концепта, оно выводит концепт из себя, заставляя его существовать во множестве образов. Оно дробит самое тождество. Различие живет в повторении.

Следовательно, повторение определяется как динамика и развитие различения. Ж. Делез называл подобный процесс «синтезом времени», что, несомненно, говорит о необходимости временного развития знака в различении. Время образуется только в первоначальном синтезе, относящемся к повторению мгновений. В этом настоящем и разворачивается время. Прошлое и будущее обозначают не мгновения, отличные от того мгновения, которое предполагается как настоящее; они означают протяженность самого настоящего как сжимающего мгновения. Только настоящее существует. Синтез учреждает время как живое настоящее, а прошлое и будущее — как измерения этого настоящего. Тем не менее, это внутривременной синтез, означающий, что такое настоящее проходит. Прошлое зажато между двумя настоящими — тем, которое было, и тем, по отношению к которому оно прошло.

Рекурсивность в своей динамике проходит несколько фаз различения, основанных на различных «синтезах». Синтезы бывают пассивными и активными, и если пассивные первичны и спонтанны, то активные уже осмысленны. Привычка — первоначальный синтез времени, учреждающий жизнь настоящего, которое проходит. У нас нет иной континуальности, кроме составляющих нас тысячи привычек, образующих в нас суеверные созерцательные Я, претендующих и удовлетворенных.

Ж. Делез таким образом утверждал неразрывность связи репрезентация — рекурсивность: «Репрезентации присуще представлять не только нечто, но и собственную репрезентативность. Прошедшее и актуальное настоящее не подобны, таким образом, двум последовательным мгновениям на линии времени, но актуальное обязательно содержит дополнительно измерение, благодаря которому оно репрезентирует прошедшее, в котором также и репрезентируется»³.

Получается, репрезентация выступает как воспроизведение прошедшего и одновременно как отражение актуального, а активный синтез памяти основывается на пассивном синтезе привычки. Однако, поскольку между ними существует глубинное различие, то происходит бесконечное разрастание смыслов. Естественные знаки, основанные на пассивном синтезе, всегда отсылают к настоящему. Напротив, искусственные знаки зависят от активных синтезов и отсылают к прошлому или будущему как различным измерениям настоящего.

Ж. Делез отмечает трехвременную структуру повторения образа, классический сюжет раскрытия образа: «предшествующее», «метаморфоза» и момент утверждения вечного возвращения. И если первый этап связан с нехваткой и замкнут на себя, то второй открыт, свидетельствует об изменении, а третий играет роль «означаемого» по отношению к двум другим. Яркий пример этого — перерастание трагичного в комичное: «все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать,

³ Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998. С. 108.

дважды... первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса»⁴. Комическое повторение действует из-за нехватки, по образу своего прошлого. Трагическое повторение наступает после, это момент метаморфозы. Верно, что эти два события не самоцели и по ту сторону комического и трагического существуют лишь ради третьего, во имя драматического повторения в производстве чего-то нового. Но в третьем синтезе настоящее является лишь актером, автором, агентом действия, обреченным на то, чтобы стусеваться; прошлое же становится лишь условием, действующим заочно.

Таким образом, в этом последнем синтезе времени настоящее и прошлое являются, в свою очередь, только измерениями будущего. Синтез времени устанавливает лишь предстоящее, которое утверждает одновременно безусловный характер произведения и его независимость от автора или актера. Настоящее, прошлое, будущее раскрываются в трех синтезах как Повторение, но раскрываются очень по-разному. Настоящее — это повторяющееся, прошлое — само повторение, а будущее — это повторяемое.

Секрет рекурсивности состоит в повторяемом как обозначенном дважды. Ибо первый синтез затрагивает только содержание и основание времени; второй синтез — его обоснование; третий синтез обеспечивает порядок, систему, ряд и конечную цель времени. Повторение становится необходимым условием исторического становления.

Повторение возникает только в маскировке рядов реальности, это происходит потому, что повторение зависит от смещенного виртуального объекта. Повторение необходимо замаскировано в силу своего смещения, вытеснение происходит как следствие, касающееся представления о настоящем. Поэтому, в отличие от пассивного синтеза времени, активный есть не что иное, как превращение и маскировка этого превращения. Активность в данном случае подразумевает действие по созданию иллюзии.

Прошедшее настоящее не представлено в актуальном, если само актуальное не представлено в этом представлении.

⁴ Делез Ж. Различие и повторение. С. 120.

Актуальное настоящее рассматривается не как будущий предмет воспоминания, но как то, что отражается, формируя при этом воспоминание о прошедшем настоящем. Следовательно, любая репрезентация — воспроизведение прошедшего настоящего и отражение актуального, — такой активный синтез памяти основывается на пассивном синтезе привычки, поскольку последний учреждает любое возможное настоящее вообще.

Второй синтез времени, представляющий повторение как маскировку, устанавливает время как чистое прошлое с точки зрения обоснования, заставляет настоящее проходить и становиться другим. «Маска, прежде всего, означает маскировку, затрагивающую в воображении пределы и связи двух реальных, по праву сосуществующих рядов; но маска глубинно означает смещение, затрагивающее в основном символический виртуальный объект в его ряду, как и в реальных рядах, где он постоянно циркулирует»⁵.

Начиная со второго синтеза времени, образ строит себя в двойном ряду: ряд реальных объектов и ряд виртуальных объектов (ряд «образов-восприятий», а с другой стороны — «образов-воспоминаний»). Эти ряды взаимозависимы, они питаются друг другом в силу сущностного различия. При этом виртуальные ряды выделяются из реальных, и выделяемое виртуальное приобретает новую сущность. «Виртуальный объект — частичный не просто потому, что ему недостает оставшейся в реальной части, но в себе и для себя, поскольку он расщепляется, разделяется на две виртуальные части, одной из которых всегда недостает другой. Одним словом, виртуальное не подчинено глобальному характеру реальных объектов»⁶. Нельзя не отметить, что виртуальный объект свидетельствует не о реальном теле, но, напротив, о другом виртуальном теле. Виртуальному объекту не только чего-то не хватает по сравнению с реальным, из которого он выделяется, ему не хватает чего-то в себе самом, он всегда будет половиной себя.

⁵ Делез Ж. Различие и повторение. С. 138.

⁶ Там же. С. 130.

Недостаточность памяти приводит к третьему синтезу времени. К повторению от избытка, будущего как «вечного возвращения». Поскольку «вечное возвращение» определяется лишь в будущем и произведено при условии нехватки, то оно, напротив, отрицает прошлые послышки. Это, в свою очередь, становится отрицанием самой нехватки реального, вследствие которого необходима маскировка. Таким образом, третий синтез — это повторение от избытка, уничтожающее нехватку. Третий синтез соединяет все три измерения времени — прошлое, настоящее, будущее — и заставляет их теперь выступать в чистой форме. Это вечное возвращение, которое означает отсутствие точно определенного первоначала, т. е. определение первоначала как различия, соотносящего различное с различным для того, чтобы заставить его вернуться.

Вечное возвращение порождает образ подобия как образ негативного, оно окружает симулякр тождеством, подобием и негативным. Но это симулируемые тождество и негативное. Вечное возвращение задействует их как никогда не достижимую цель, вечно искаженный эффект, всегда извращенное следствие. Оно каждый раз пользуется ими ради смещения тождественного, искажения подобного, отклонения следствия. Ведь существуют только извращенные следствия, искаженные подобия, смещенное тождество, недостижимая цель.

Одним из прочих последствий, относящихся к тому, что подразумевается всеобщей повторяемостью, является возникновение некой «совокупности» (Ж. Делез), «символа» (Ж.-Л. Нанси), «общности» (Ж. Деррида), свободной настолько, что не связана никакими связями, способной пребывать в форме «отношения без отношения». Остановимся только на одном примере. Ж.-Л. Нанси обращает наше внимание на происхождение слова «символ»: «Как известно, греческий *symbolon* представлял собой кусочек глиняного горшка, разбиваемого на две части при расставании друзей или хозяина и гостя. Соединение этих

частей позднее стало бы знаком узнавания»⁷. Греческий *sun*, эквивалент латинского *sum* и английского *con* напоминает нам, что символизм есть не что иное, как отношение. Все теории коммуникации и тем более теории симуляции согласятся, что речь в данном случае идет об отношении между объектом и его репрезентацией, или реальностью и ее образом (такое понимание разделяют как сторонники, так и критики этих теорий). И в том, и в другом случае имеет место предположение о предшествующем тождестве: предположение о рациональном субъекте в коммуникативных теориях, предположение о реальности, пусть даже утраченной, в теориях симуляции. Но *sum symbolon* обозначает не отношение между реальностью и образом, а отношение между сущими. Нанси пишет: «спектакль» и «коммуникация», «товар» и «техника» являются не более чем фигурами «самого реального этого социального-бытия-в, посредством и в качестве конституирующей ее социальности»⁸. Имеется различие между понятием реального-как-такового (именно это понятие фундирует вышеуказанные теории) и понятием реальности-как-социальной. Так вот, социальная реальность всегда уже символична. Символ суть отношение. Символичность конституирует текстуру социальности. «Символическое есть реальное отношения в той мере, в какой отношение себя репрезентирует, и поскольку, в действительности, отношение как таковое есть не что иное, как своя собственная репрезентация. Отношение — это вовсе не репрезентация чего-то реального (во втором, миметическом значении репрезентации), но напрямую есть не что иное, как реальное репрезентации, его эффективность и действенность»⁹.

Всеобщая повторяемость в одно и то же время узаконивает и подрывает возможности спекулятивной диалектики. Всеобщая

⁷ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Минск : Логвинов, 2004. С. 96. Также см.: Азаренко С. А. Символ // Современный философский словарь. М. : Академический проект, 2004.

⁸ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. С. 96.

⁹ Там же.

повторяемость есть одновременно и отрицание, и утверждение диалектического объяснения социальной внеположенности, внешнего проявления и отчуждения. Возможность диалектического присвоения оппозиции между оригиналом и двойником как отношения опредмечивания и распредмечивания (отсвоения и присвоения, отчуждения и симметричного отчуждения) двойника, как негатива оригинала и подлинника, логически зависит от исходной повторяемости, согласно которой сущее является в самом себе самому себе, только саморазличаясь в самом себе в Другом, только самораздваиваясь в самом себе в Другом. Поскольку возможность любого тождества зависима от отношения к Другому, единство между тождеством и различием, между оригиналом и двойником — или, как бы сказал Гегель, между рефлексией в себя и рефлексией в другое — производно от исходной повторяемости (без повторяемого), которую именно в силу отсутствия повторяемого никакая диалектика не в состоянии снять в процессе спекулятивного присвоения Другого.

А. Г. Кислов

Тематический корпус логики времени: от прошлого к настоящему

Обычно логика, как теория, задающая или класс общезначимых выражений, или отношение логического следования, воспринимается в отвлечении от контекстов времени. Для современной логики это давно уже не является справедливым¹. Нашей задачей здесь будет лишь демонстрация многообразия путей развития и сложности рациональных построений, для которых фактор времени не чужд логическому анализу.

¹ См., например: *Томасон С. К.* Семантический анализ временных логик // Семантика модальных и интенциональных логик. М. : Прогресс, 1981. С. 166–179.